

УДК 82.091

DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-49-60

Маргиналии сына в рукописи отца как маркер идентичности

Евгения В. Потапова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, jenni_p@mail.ru*

Аннотация. Исследовательский вопрос статьи связан с особенностями воплощения межпоколенческого диалога об истории семьи: автор анализирует маргиналии позднего переселенца В.К. Винса (род. 1942) как ответ на рукопись его отца – репрессированного советского немца-трудармейца К.А. Винса (1905–1988). Рукопись представляет собой изложение истории семьи советских немцев через жизнь ее кормильца. Автор воспоминаний репрезентирует себя как немца, учителя немецкого языка, отца семейства и советского гражданина, и нашей исследовательской задачей становится выявление реакции его сына на этот текст через его маргиналии. Выявляется, что между отцом и сыном ведется непрерывный диалог, а пометы в тексте выполняют разные функции – от привлечения внимания читателя к лапидарным фрагментам до усиления риторичности высказываний отца. Маргиналии становятся маркером идентичности В.К. Винса – в каких-то эпизодах эта идентичность соответствует авторской, в других же – противоречит ей. Для расширения контекста исследования в работе привлекаются эго-документы сына, в которых он излагает собственное видение семейной истории.

Ключевые слова: эго-документы, семейная история, воспоминания, письма, идентичность, маргиналии

Для цитирования: Потапова Е.В. Маргиналии сына в рукописи отца как маркер идентичности // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 3. С. 49–60. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-49-60

The son's marginalia in the father's manuscript as an identity marker

Evgeniya V. Potapova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia, jenni_p@mail.ru*

Abstract. The research question relates to the peculiarities of the implementation of the intergenerational dialogue about the family history: the author analyzes the marginalia of the late migrant V.K. Vins (b. 1942) as a response to the manuscript of his father, repressed Soviet German Labor Army soldier K.A. Vins (1905–1988). The manuscript is a summary of the history of a Soviet German family through the life of its breadwinner. The author of the memoirs presents himself as a German, a teacher of the German language, a father of a family and a Soviet citizen; and our research task is to identify the reaction of his son to this text through his marginals. It is revealed that there is a continuous dialogue between father and son, marks in the text perform different functions – from drawing the reader's attention to lapidary fragments to enhancing the rhetoric of the father's statements. Marginalia become a marker of V.K. Vince's identity – in some episodes this identity corresponds to the author's, in others it contradicts it. To expand the context of the study, the work draws on the son's ego-documents, in which he sets out his own vision of the family history.

Keywords: ego-documents, family history, memories, letters, identity, marginalities

For citation: Potapova, E.V. (2023), "The son's marginalia in the father's manuscript as an identity marker", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 3, pp. 49–60. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-49-60

Проблема идентичности как дискурсивного концепта [Енина 2016] достаточно давно волнует исследователей, и идентичность поздних переселенцев (Spätaussiedler), первое поколение которых в начале 90-х гг. XX в. отправилось в Германию из СССР, активно подвергается научной рефлексии как в отечественной, так и в зарубежной традиции [Блинова, Смирнова, Шлегель 2021; Кириллов 2011; Hoops, Panagiotidis 2021], поскольку категории *советского / русского* и *немецкого* применительно к их историческому прошлому и настоящему становятся противоречащими и чуть ли не взаимоисключающими. В этом случае следует говорить в том числе об идентичности коллективной [Александр 2012], неразрывно связанной с культурной травмой, так или иначе влияющей на построение нарратива [Рождественская 2009]. Источниками для иссле-

дований идентичности советских немцев становятся главным образом устные истории, анкеты [Киссер 2019] и собственно эго-документы. Однако письменный текст, в данном случае – источник личного происхождения, способен конструировать идентичность не только пишущего, но и читающего, что соотносится с концепцией «повествовательной идентичности» Поля Рикёра [Рикёр 2010]. Более того, для конструирования идентичности применительно к эго-документам, бесспорно, проводятся манипуляции «с личной и семейной памятью» [Голубинов 2019, с. 3], зачастую проходящие через самоцензуру и «нормализацию исключительного» [Нарский 2012]. Еще одним из способов взаимодействия с памятью о семейной истории являются маргиналии на страницах документа.

Наше исследование сосредоточено вокруг маргиналий Виктора Корнеевича Винса (род. 1942) в рукописи воспоминаний его отца – Корнея Абрамовича Винса (1905–1989), в которой была изложена история семьи советских немцев. К.А. Винс, или Винс-старший, родился в с. Кутерля Оренбургской области, работал учителем немецкого языка, был репрессирован. В годы Великой Отечественной войны он был отправлен в Нижний Тагил в трудармию, затем на спецпоселение в Башкирию, а после жил в Казахстане. Виктор Винс, его младший сын, уехал из СССР, а в 2018 г. предоставил следующим поколениям (внучке) рукопись своего отца¹, исследование которой требует отдельной научной рефлексии. Для прояснения контекста работы лишь отметим, что идентичность автора воспоминаний строится вокруг саморепрезентации как советского гражданина, немца, учителя немецкого языка и примерного семьянина, а само содержание рукописи построено как постоянное преодоление семьей жизненных испытаний.

Виктор Винс предоставил младшему поколению не оригинал рукописи, а сканы ее страниц. Перед отправкой листов по почте Винс-младший текст перечитал полностью, что видно из его многочисленных маргиналий на полях рукописи. Он отмечал знаком *NB* и подчеркиваниями, восклицательными знаками те эпизоды в воспоминаниях отца, которые казались ему наиболее значимыми и примечательными для понимания семейной истории потомками. Маргиналии сына иллюстрируют, как он непрерывно вступает в диалог с текстом своего отца: в эпизодах, не лишенных риторичности, пометы Винса-младшего «работают» на поддержание пафоса высказываний отца, то есть уже интонационно

---

¹ По своей жанровой установке рукопись сочетает в себе черты автобиографии и воспоминаний, у нее сложная повествовательная структура, анализ которой требует отдельной научной рефлексии и не составляет предмет нашего подробного исследования в этой работе.

выделенных на письме фрагментов (вопросительные, восклицательные предложения); с другой стороны, в тех эпизодах, где его отец краток и безэмоционален в изложении каких-либо событий, Винс-младший выделяет их, как бы «подсказывая» читателю, что на самом деле на эти фрагменты следует обратить внимание².

Когда речь идет о трудармейцах, обычно их образы сразу ассоциируются с жертвами репрессий и тяжелой судьбой. Но сам К.А. Винс пишет о себе как о репрессированном немце очень лапидарно, его воспоминания акцентируют внимание читателя не на самих испытаниях, а на достойном их прохождении. Например, о последних годах пребывания в трудармии он пишет парадоксальную для современного читателя фразу: «В трудармии мы привыкли хорошо покушать, особенно в последние годы»³. При этом его сын, делая пометы на страницах воспоминаний, отмечает знаком *NB* и подчеркивает фрагмент, связанный именно с эпизодом ареста: «22 янв. 1942 г. я распрощался с семьей и со школой, и нас: меня и других товарищей отвезли на ст. Щербакты, где мы находились еще несколько дней. Вдруг нас позвали в военком и нас посадили в вагон под очень строгим надзором для отправки, как-будто мы являемся преступниками»⁴. В этом отношении интересно, насколько работа с текстом влияет на сына – в 2020 г. ему было предложено самому изложить их семейную историю на бумаге, и в кратком письме на немецком языке практически дублируется формулировка его отца про «строгий надзор»: «Работал под надзором людей НКВД»⁵.

---

² Следует отметить, что сама отправка сканов рукописи изначально позиционировалась как предоставление материалов для научных изысканий, что также объясняет наличие большого количества помет в этом тексте как своеобразных «помощников» для исследователя.

³ Винс К.А. [Воспоминания]. Личный архив автора. С. 17–17об.

⁴ Там же. С. 12об. Здесь и далее цитаты из рукописи приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Поскольку рукопись была отсканирована сравнительно недавно (2017), а сам текст написан достаточно давно (см. след. примеч.), велика вероятность повреждения рукописи, из-за чего в некоторых местах может быть не виден пунктуационный или диакритический знак, пропущена буква или допущена орфографическая ошибка. Однако мы не можем списывать это только на состояние рукописи: поскольку перед нами «двуязычные» воспоминания, сам грамматический строй фрагментов на русском языке нередко подвергается деформации «под немецкий» и наоборот, что также требует осмысления в рамках отдельного исследования, поэтому в приведении цитат мы полностью следуем за текстом рукописи.

⁵ Винс В.К. Письма. 2021 г. Личный архив автора. С. 1.

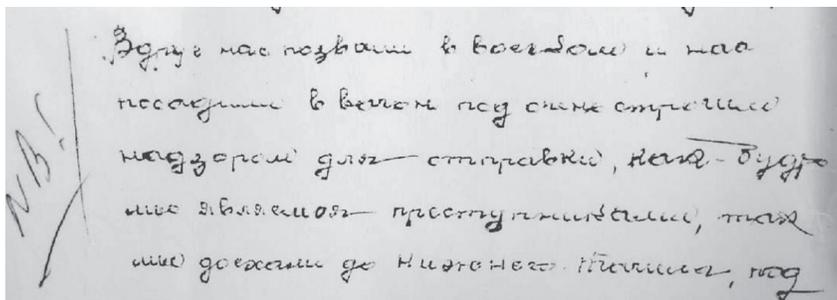

Рис. 1. Рукопись К.А. Винса. С. 12 (оборот)

Если для Винса-старшего трудармия становится лишь очередным испытанием, которое он с достоинством проходит, то для его сына это слово становится маркером угнетенности и ущемления национальной идентичности. Это прослеживается благодаря маргиналиям у фрагмента, в котором Корней Винс описывает свою семью: «Организовался в Заборовке детский дом, куда была направлена наша семья: мама работала в киоске, а Альма воспитательницей, жили они опять с Юстинией вместе, но уже без Петра Петровича, он уже в трудармии»⁶. Для Винса-старшего уход мужа двоюродной сестры Юстиньи в трудармию не становится чем-то из ряда вон выходящим, поэтому он не описывает этот эпизод с присущей исторической ситуации советских немцев трагичностью. Сын же, напротив, стремится подчеркнуть этот эпизод для читателя, отметить знаком *NB*, зафиксировать исторический факт.

Винс-старший, описывая свою жизнь, не выделяет многие эпизоды как необычные, но при этом фиксирует мельчайшие детали с бухгалтерской точностью. На такие фрагменты сын обращает внимание при чтении воспоминаний и выделяет подчеркиванием и пометой *NB*, чтобы обратить внимание читателя не только на исторические реалии того времени, но и на невероятную память своего отца⁷ и материальное состояние их семьи: «...у меня было око<ло> 20 комплектов, постельная принадлежность очень богатая, ситцу мы покупали не метрами, а кусками»⁸. Другой пример похожего контекста можно встретить в воспоминаниях, когда Винс-старший

⁶ Винс К.А. [Воспоминания]. С. 17.

⁷ Рукопись не датируется автором, однако по упоминаемым в ней датам становится понятно, что К.А. Винс написал текст незадолго до смерти, ведь последняя дата в ней – 1986 г.

⁸ Винс К.А. [Воспоминания]. С. 5.

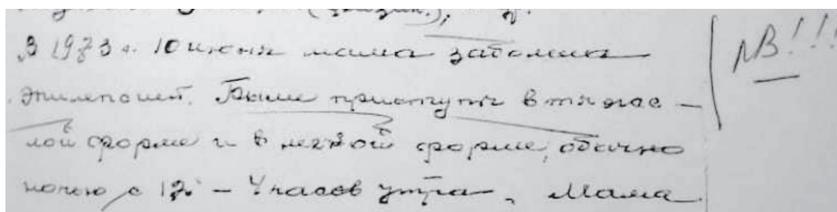

Рис. 2. Рукопись К.А. Винса. С. 12

говорит о встречах со своей будущей женой, матерью Виктора: «С Екатериной мы встречались в Саратове года четыре, летом мы встретились обычно в среду, в субботу и воскресенье»⁹.

Корней Винс очень кратко описывает болезни и даже смерти своих детей, в пространстве воспоминаний такие фрагменты не занимают более одного предложения. Поэтому думается, что в маргиналиях его сына прослеживается тенденция на дополнительное выделение этих фрагментов в пространстве рукописи, чтобы показать их важность для любого читающего. Например, Корней Винс в одном предложении описывает смерть первенца, и этот эпизод выделяется сыном: «Материально стали мы жить хорошо, но вдруг заболела наша дочка, и 22–II 27 г. похоронили ее – это был для нас и наших соседей сильный удар»¹⁰. Также маргиналии сопутствуют и предложению с болезнью старшего сына: «...заболел и наш Абрам, он был весь покрыт пластом, от лица ничего не видно было – ни глаз ни носа»¹¹.

Там, где текст, казалось бы, лишен всякой эмоциональности и риторичности, пометы сына становятся неким сигналом, маркером того, что выделенный эпизод не следует воспринимать сухо и без эмоций. Поэтому на фрагмент о болезни матери Винс-младший реагирует не просто подчеркиванием, но и включением трех восклицательных знаков: «В 1973 г. июня мама заболела эпилепсией. Были приступы в тяжелой форме и легкой форме, обычно ночью с 12–4 часов утра»¹².

Эго-документ Винса-старшего не лишен риторических элементов, что во многом обнаруживает его установку на читательское восприятие. Так, в тексте есть ряд риторических вопросов, связанных с очередным испытанием семьи. Например, так Корней Абрамович пишет о своей сестре и поиске жилья. Именно фрагмент

⁹ Там же. С. 2об.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. С. 22.

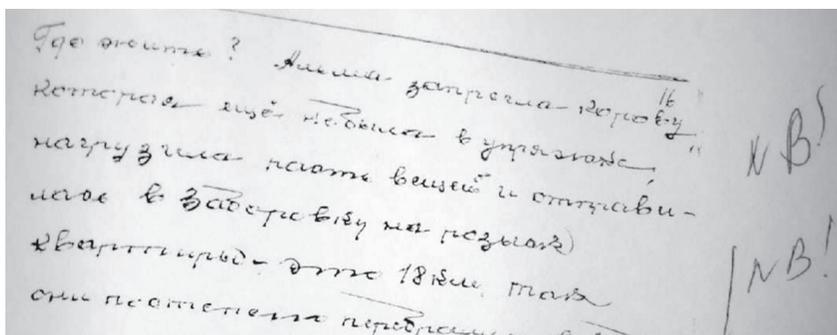

Рис. 3. Рукопись К.А. Винса. С. 16

с обозначением очередной проблемы на жизненном пути семьи становится предметом рефлексии сына: «Где жить? Альма запрягла корову, которая еще не была в упряжке, нагрузила часть вещей и отправилась в Заборовку на розыск квартиры – это 18 км»¹³.

Важно отметить, что сами воспоминания Винса-старшего обладают билингвальной структурой – большая часть текста написана на русском, но в некоторых эпизодах автор переходит на немецкий язык (смерть мачехи, эпизод из детства младшего сына, размышления об учительской профессии и судьбе наследства после смерти). С точки зрения самоидентификации Винс-старший предстает в эго-документе не только немцем-трудармейцем, но и учителем немецкого языка, о чем достаточно много размышляет на страницах своих воспоминаний: «Habe mein ganzes Leben in der Schule. Unter den Schülern verbracht. Schade, das man nicht weiter arbeiten kann» (Всю свою жизнь я провел в школе с учениками. Жаль, что больше не работаю в школе)¹⁴.

Его сын пошел по стопам отца и тоже стал преподавать немецкий язык – сначала в СССР, а потом и в Германии. Поэтому закономерно, что эпизоды, связанные с педагогической деятельностью, являются для Винса-младшего показательными и достойными дополнительного графического оформления. Мы видим маргиналии с фрагментами, связанными с началом профессионального пути отца: «...мы уже находились в Заборовке, где я с 1 сентября 1924 начал свою педагогическую деятельность»¹⁵. Также сын выделяет знаком *NB* предложения, показывающие работоспособ-

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 22об. Здесь и далее перевод текста осуществлен сыном автора воспоминаний – Виктором Корнеевичем Винсом.

¹⁵ Там же. С. 3. В 1924 г. автору рукописи было только 19 лет.

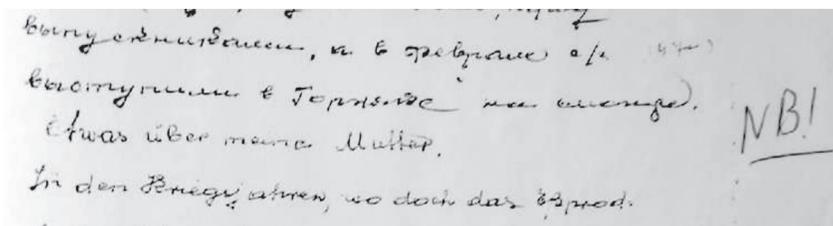

Рис. 4. Рукопись К.А. Винса. С. 20

ность его отца, большое количество учеников: «В школе у меня было 4 класса, одновременно мы работали со всеми четырьмя классами»¹⁶. «Работа шла нормально: хор был у меня не большой, но хороший – из 40 человек, из музыкальных инструментов: моя скрипка, а Шилин Саша играл на баяне, через год стал он учеником музыкальной школы»¹⁷.

Сам Винс-младший кратко излагает семейную историю исключительно на немецком языке, что также становится маркером уже иной, отличной от отцовской национальной идентичности. Более того, в изложении истории жизни своего отца, которая, конечно, не противоречит фактам, Винс-младший внезапно переходит к повествованию о ситуации языкового стресса – он вспоминает свою племянницу Альвину, которая в детском возрасте попала в санаторий для больных туберкулезом детей, когда ей пришлось адаптироваться к «чужому» русскому языку: «Это было ужасно для нее. Потом она научилась говорить по-русски в кровати»¹⁸.

Такое внимание к теме смены языка присутствует и в сканах рукописи его отца, о чем свидетельствуют маргиналии: каждый фрагмент на немецком удостоивается особого внимания сына, Винс-младший фиксирует знаками *NB* начало и конец первого «немецкого» фрагмента, который повествует о смерти мачехи, словно отграничивая его от остального пространства текста и делая акцент на его содержании: «Etwas über meine Mutter. In den Kriegsjahren, wo doch das Esprod. Fast nicht vorhanden war, hat unsere Mutter doch noch bis zum 14 März 1944 leben können, mit ihrer Gesundheit war es ja ganz schwach sie hatte Asma» (Немного о маме. В годы войны, когда почти нечего было есть, мама жила до 14 марта 1944 г., ее здоровье было совсем слабое – она страдала астмой)¹⁹.

¹⁶ Там же. С. 5об.

¹⁷ Там же. С. 21об.

¹⁸ Винс В.К. Письма. 2021 г. С. 2.

¹⁹ Винс К.А. [Воспоминания]. С. 20.

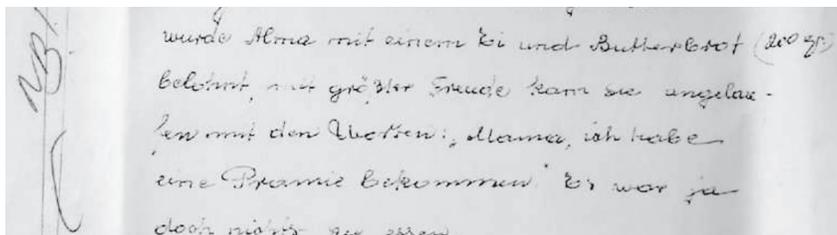

Рис. 5. Рукопись К.А. Винса. С. 20 (оборот)

Когда фрагмент на немецком языке заканчивается, Виктор Винс отмечает его завершение. В этом эпизоде рассказ о смерти мачехи сменяется повествованием о работе старшей дочери автора воспоминаний: «Für gute Arbeit wurde Alma mit einem Ei und Butterbrod (200 gr) belohnt, mit größter Freude kam sie angelaufen mit den Worten: “Mama, ich habe eine Prämie bekommen”. Es war ja doch nichts zu essen” (За хорошую работу Альма получала яйцо и бутерброд (200 гр.), с большой радостью она прибежала со словами: «Мама, я получила премию»)²⁰.

Такое поддержание высказываний с помощью маргиналий проявляется и в эпизодах, связанных с рефлексией отца на тему репрессий. Например, в самом конце рукописи автор задается вопросом о государственных преступлениях: «Перегибы и злоупотребления в партии были очень большие, особенно, начиная с 1937 года, когда начались эти сплошные аресты невинных людей. Сколько их погибло?! Эта была большая ошибка»²¹. При этом Винс-младший подчеркивает и фрагмент, иллюстрирующий советское сознание его отца, его приверженность партии: «К сожалению очень много было членов партии, которые стали членами только из-за своих личных интересов. Работали ведь в интересах партии, почему не стать активным членом этой партии? Гордился, что имели трех коммунистов в нашей семье: Рейхарт Ген, Штумберг Левке и Смирнов Ан»²². Для прояснения отношения Винса-младшего к этому фрагменту следует обратиться к его собственной идентичности и восприятию категории *советского*. «А тут еще с соседями нужно проводить воспитательную работу чтобы они не шумели по ночам. Из 12 семей нашего дома 10 из [нрзб] Союза»²³, – пишет герой нашего исследования в письме 2001 года,

²⁰ Там же. С. 20об.

²¹ Там же. С. 31.

²² Там же.

²³ Винс В.К. Письма. 2001 г. С. 1.

спустя 10 лет после переезда в Германию, прозрачно и иронично намекая на неподобающее поведение других поздних переселенцев в бытовом отношении. Через такое включение в контекст работы эго-документов самого сына становится понятно, что его маргиналия на полях рядом с высказываниями о политике скорее служит для привлечения внимания читателя, но не становится маркером разделения этой точки зрения.

Таким образом, маргиналии сына в рукописи отца являются маркером непрерывного и «живого» диалога между пишущим и читающим в пространстве текста. Поэтому внимания сына удостаиваются как фрагменты, выделенные интонационно самим Винсом-старшим, так и эпизоды, которые при взгляде стороннего читателя кажутся для автора не столь важными. Пометы на страницах рукописи становятся свидетельством конструирования «повествовательной идентичности» сына, через маргиналии Винс-младший репрезентирует себя как члена семьи советских немцев, сопереживающего ее непростой судьбе, а также как учителя немецкого языка, трепетно относящегося к своей профессии. Еще одна немаловажная функция маргиналий – выявление контрастной, отличной от отцовской национальной идентичности сына, что выразилось в его внимании к фактам смены языка в эго-документе и рефлексии отца о политической обстановке того времени.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Acknowledgments

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Литература

- Александр 2012 – Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
- Блинова, Смирнова, Шлегель 2021 – Блинова А.Н., Смирнова Т.Б., Шлегель Е.А. Влияние депортации на идентичность немцев России и Казахстана // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4. С. 91–116.

- Голубинов 2019 – Голубинов Я.А. Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 12. С. 1–9. URL: https://www.e-notabene.ru/hr/article_31568.html (дата обращения 11 янв. 2023).
- Енина 2016 – Енина Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // *Политическая лингвистика*. 2016. № 6. С. 159–167.
- Кириллов 2011 – Кириллов В.М. Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) // *Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков* / Под ред. А.А. Германа. М.: МНСК-пресс, 2011. С. 322–349.
- Киссер 2019 – Киссер Т.С. Немцы Урала: этноистория и идентичность. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 372 с.
- Нарский 2012 – Нарский И.В. «Исключительное нормальное» и нормализация исключительного: самоцензура памяти одной немецкой семьи, принудительно депортированной в СССР // *Новое литературное обозрение*. № 4. 2012. С. 325–336.
- Рикёр 2010 – Рикёр П. Путь признания: три очерка. М.: РОССПЭН, 2010. 868 с.
- Рождественская 2009 – Рождественская Е.Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография // *Травма: пункты: Сборник статей* / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 108–132.
- Hoops, Panagiotidis 2021 – Hoops M., Panagiotidis J. Both German and Russian: second-generation Russian-German identities in Germany // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 845–860.

References

- Aleksander, D. (2012), “Cultural trauma and collective identity”, *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 3, pp. 6–40.
- Blinova, A.N., Smirnova, T.B. and Shlegel, E.A. (2021), “The influence of deportation on the identity of Germans of Russia and Kazakhstan”, *Journal of Frontier Studies*, vol. 4, pp. 91–116.
- Golubinov, Ya.A. (2019), “Ego-documents as a way of constructing personal and family history: the case of Peter and Mikhail Gerasimov”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, vol. 12, pp. 1–9, available at: https://www.e-notabene.ru/hr/article_31568.html (Accessed 11 Jan. 2023).
- Enina, L.V. (2016), “Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification”, *Political Linguistics Journal*, vol. 6, pp. 159–167.

- Hoops, M. and Panagiotidis, J. (2021), “Both German and Russian: second-generation Russian-German identities in Germany”, *Quaestio Rossica*, vol. 9, no. 3, pp. 845–860.
- Kirillov, V.M. (2011), “Historical memory and self-consciousness of Russian Germans (based on personal sources)”, in German, A.A. (ed.), *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomko* [Civil identity and inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants], MNSK-press, Moscow, Russia, pp. 322–349.
- Kisser, T.S. (2019), *Nemtsy Urala: etnoistoriya i identichnost'* [Ural Germans: ethnohistory and identity], Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
- Narskii, I.V. (2012), “The ‘exceptional normal’ and the normalization of the exceptional: self-censorship of the memory of a German family forcibly deported to the USSR”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 4, pp. 325–336.
- Riker, P. (2010), *Put' priznaniya: tri ocherka* [The path of recognition. Three essays], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Rozhdstvenskaya, E.Yu. (2009), “By words and body: trauma, narrative, biography”, in Ushakin, S.A. and Trubina, E. (eds.), *Trauma: punkty* [Injury: points], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 108–132.

Информация об авторе

Евгения В. Потапова, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620014, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; *e.v.p.18012000@gmail.com*

Information about the author

Evgeniia V. Potapova, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; 51, Lenin Av., Yekaterinburg, Russia, 620014; *e.v.p.18012000@gmail.com*